

Максим Черников

Порномания

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Черников

Порномания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56038205

SelfPub; 2022

Аннотация

Одна молодая потерянная женщина, ставшая абсолютно зависимой от сетевого порно. Один молодой мужчина, не нашедший себя. Две параллельные линии в мельтешении лиц, тел и отчужденности мегаполиса. Две параллельные линии, преследующие друг друга и мечтающие об изменении закона притяжения.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ: АД	4
Знакомство с порноманкой	4
У Анны последний рабочий день	9
Анна пытается радоваться свободе	13
Анна рассказывает о первых днях на свободе	15
Анна рассказывает про то, как стала наследницей	17
Анна начинает рассказ о своей порномании	20
Анна и Андрей	26
Анна рассуждает об искусстве и профанации порно	38
Порномания в разгаре: Анна рассказывает про возбудившее ее видео	42
Ненависть к себе	48
Анна получает наследство и продолжает страдать	49
Порномания: оттолкнуться от дна	50
Анна идет к врачу	52
Анна борется с искушением	62
М страдает от перевозбуждения и вспоминает о случайной встрече с Анной	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Максим Черников

Порномания

КНИГА ПЕРВАЯ: АД

Знакомство с порноманкой

С чего мне начать? Я думаю, сразу с самого главного. Так вот, я – порноманка. Наверное, следующий ваш вопрос был бы «Когда все это началось?» А я точно и не помню. Может, в детстве, может, в подростковом возрасте, может.... Может, после смерти матери. Я не могу дать однозначный ответ. Да и какая разница? Результат будет один и тот же: я – порноманка.

А может, вы спросили бы другое. Например, как я до такого докатилась. Или еще что-то, что вам покажется важным... Я одна, в пустой комнате, кроме меня в ней никого, но в голове у меня сидит некий вопрошатель, некая аудитория, перед которой я выступаю и которой должна рассказать все, до конца. Я даже вижу эти лица, некоторые из них скучающие, другие, наоборот, полны внимания... Да и не имеет значения, какие вы будете задавать мне вопросы, я буду расска-

зывать о том, что важно мне. И да, я выдумала эту аудиторию, это длинное интервью, на которое пригласила вас, моих слушателей. Я не сошла с ума, просто мне так интереснее. Я создаю себе эту сцену, на которой выступаю сейчас.

Я знаю, что скажут мне многие из вас... Или не скажут, но я хочу, чтобы сказали: ишь, что выдумала, видите ли, порноманка она! Поддалась этой «западной» заразе – так сама и виновата. Да уж, в нашей «высокоморальной» стране быть порноманкой – это, наверное, большой стыд. Это нечто не наше, не русское, чужое и поэтому еще более постыдное! Но я так, конечно же, не считаю. Какая разница, где быть порноманкой, когда мир стал одним большим полем, одной бесконечной деревней, где все друг про друга все знают и где всем на всех плевать? Правда, я никому, никому не говорила о своей порномании, так как стыжусь ее.

И нет ничего удивительного в том, что я такая. И какая разница, где я живу? Главное, что я подключена к этому проклятому интернету, у меня есть компьютер, и я обожаю – да, обожаю! – мастурбировать под сетевое порно. Вот и все.

Когда я освоила порно-торренты, я ужаснулась всей глубине своего падения и опустошенности. Не то что бы я такая моралистка, просто я действительно упала, провалилась в порноманию, заболела ей как недугом, как тяжелой болезнью. Это падение ужасно, и оно продолжается до сих пор. Каждый раз, когда я думаю, что дальше уже падать некуда, я проваливаюсь еще глубже. И все никак не достигну дна.

Я искала аналогии своей порномании в искусстве. Признаюсь, не нашла ничего путного, кроме нашумевшей «Нимфоманки» фон Триера. Признаюсь, я всегда любила этого извращенца Ларса, мне он кажется таким милым семейным маньяком. Который пугает, пугает, но от этого только щекотно и немного подташнивает. А так – в высшей степени безобидно. Но все же то, как он занимается своими проектами, это искусство. Он болен искусством, как я больна своей порноманией. Возможно, если бы я встретила его в реальной жизни, мы стали бы друзьями. Чем я хуже этой потрепанной, тощей носатой вешалки Шарлотты Гензбур, его подруги и «музы»? Я тоже тощая, носатая и черноволосая, надломленная, молодая женщина с неутолимой мандой. Нет, у меня нет никакого бешенства матки, мне не так уж нужен секс. Он, конечно, мне нужен, но не настолько, как вы бы могли подумать, мои друзья. (Да-да, именно что друзья. Уж если вы стали меня слушать и не уходите из моего воображариума, то вы теперь мои друзья. Как же иначе?)

Итак, друзья, порноманка собирается провести вас по лесу своей мании (вы уже знаете, какой) и неутоленности, своей потерянности и опустошенности. Вы готовы к этой прогулке? Она будет долгой и непростой. И уж если я вспомнила лес, и это опять отсылка к моему любимому и ненавистному Ларсу с его «Антихристом», то представьте, что, гуляя, вы вошли в городской парк – так, обычная прогулка, не предвещающая ничего из ряда вон выходящего... Но парк, по ко-

торому вы идете, все не кончается. Мало того, он незаметно переходит в лес, но вы словно в трансе продолжаете идти дальше и дальше... И вот вы в самой гуще этого леса. Да, ваше подсознание сыграло с вами шутку: вы в ловушке, но вы давно жаждали ее. Оказавшись в густой чаще один на один с самими собой, вы не можете повернуть, вы должны пройти этот лес до конца несмотря на то, что не готовы к такой долгой прогулке, на вас слишком легкая одежда, с вами почти нет воды или еды, а скоро закат, темнеет. Но повернуть – значит отступить, нарушить обещание, изменить себе. И вот, отринув колебания, вы продолжаете идти вперед, преодолевая страх и панику... И, знаете, если вы не повернули назад, больше такой возможности не будет – это ведь заколдованный лес. Так что добро пожаловать в него за мной, вашим единственным спутником и проводником. И хоть я пытаюсь показать, что мне все равно, пойдете вы за мной или нет, в глубине души я рада, что вы согласились. Но помните: в этом лесу каждый сам за себя. Я вас честно предупредила!

Да, я вас честно предупредила. Или хотя бы дала намек на то, что вас там ждет. Представьте себе любой запомнившийся фильм и поместите себя (и меня тоже) в него. Вот, моя рука тянется к вам, вы берете ее с дрожью и идете вперед, в темный лес... Страшно? А как же еще? Я немного попугаю вас, но обещаю: есть надежда, что в этом лесу когда-то появится свет. Правда, пока в нем тьма кромешная.

И я забыла представиться: меня зовут Анна. Просто Анна.

Что еще сказать о себе? Мне скоро тридцать, и я считаю себя «довольно привлекательной молодой женщиной». Не слишком уверенной в себе, но все же. Остальное вы узнаете в процессе нашего с вами путешествия.

У Анны последний рабочий день

Итак, последний рабочий день закончен, клетка открыта, и я, вольная пташка, выпархиваю из нее. Но во мне нет той радости, которая обуревала меня всего полчаса назад. Предвкушение свободы почему-то сменилось тягостным чувством. И все же я стараюсь вести себя сообразно тому настроению, которое должно быть у того, кто уволился и кто больше не нуждается в работе, в заработке...

Вот я «весело», как можно беззаботнее, спускаюсь в метро, иду по унылым коридорам — маршрут мне знаком настолько, что я могла бы безошибочно пройти по нему с завязанными глазами. Но сегодня я несколько раз путаюсь, пропускаю «свои» переходы, задеваю людей и не извиняюсь, не могу сказать ни слова, как будто ком в горле застрял. В ответ они тоже толкаются и шипят что-то злобное вслед. Я не могу разобрать ни одного слова, только слышу угрожающее шипение. Мне кажется, что, если я оглянусь, то увижу настоящих змей, кобр, раздувающих свои капюшоны. Я содрогаюсь и прибавляю шаг.

Проходя по переходам и стоя в вагоне, я вижу тех просящих о помощи несчастных, которых вы тоже видите каждый день. Картина, к которой я и вы давно привыкли. Они — неизменный фон моих и ваших перемещений по подзем-

ному миру, по московскому метро, по этому урбаническому царству Аида. Я давно стараюсь не жалеть их — да-да, я хорошо усвоила, что «жалость раздражает, оскорбляет и унижает». Но чего же тогда им всем здесь надо, как не жалости? Денег? Боюсь, не только. Сочувствия? Именно. Я не жалею их, но сочувствую им. Это разные вещи. И, хоть они вызывают в моей душе особенную боль в этот день, я не подаю милостыни ни одному из них. Потому что я в полной прострации. Не могу протянуть руку с мелочью, как делаю это почти всякий раз, когда встречаю их.

Давайте я подробнее расскажу вам о том, что вижу, пока иду, «свободная и беззаботная», по этому белому коридору с ярким, слепящим светом, коридору, совсем не похожему на мрачное царство Аида, которое охраняет пес Цербер. Простите меня за эти мифологические отступления. Итак, картина первая: совсем молодой парень без рук, с табличкой на шее, на которой написано «Помогите на протезы». Когда я кидаю на него взгляд, он как раз зевает во весь рот — трогательный в своей «нормальности» и «обыкновенности» жест, от которого слезы наворачиваются на глаза.

Картина вторая: в вагоне поезда я обращаю внимание на мужчину без одной руки и с ужаснейшей вмятиной на голове. «Как он вообще выжил?» — думаю я, глядя на него. Уверена, этот немой вопрос задают все, кто его видит. Мужчина идет по вагону и собирает милостыню в пакет, на котором крупными буквами написано DIOR. Сидящие и стоящие в

вагоне мужчины, многие из них одинакового с ним возраста, кидают мелочь или купюры в пакет и поспешно отворачиваются. Женщины смотрят на мужчину странно — я не могу расшифровать их взгляды, хотя, по идее, должна их понимать. В их взглядах есть какая-то тайна, которая на поверку может оказаться чем-то отвратительным.

Я выхожу на одной из центральных станций: сегодня мне можно прогуляться не спеша. Не так, как раньше, после рабочего дня и перед таким же новым рабочим днем, все время смотря на часы и прикидывая, сколько потребуется времени на то, чтобы добраться сначала до ближайшего метро. И затем ехать до моей станции, обычно с одной или даже двумя пересадками. Далее от станции метро до дома пятнадцать минут быстрым шагом. Прийти домой, наскоро поесть и рухнуть на диван, не снимая офисной одежды, и заснуть как убитая. И проспать так до часа ночи, потом встать, как сомнамбула, снять одежду, кое-как расстелить кровать, нырнуть под одеяло и продолжить спать до восьми утра. И подскочить наутро по первому звонку будильника.

Анна выходит на запруженную людьми улицу. Весна, пусть не теплая, но уже заявляющая о своих правах, встречает ее. Она с трудом концентрируется на дороге, ужасно рас-

сеянна, мысли ее кружат где-то не здесь. Чуть не налетает на женщину средних лет в зимней куртке, та чертыхается и бормочет что-то ей вслед. Через минуту ей больно наступает на ногу парень в красных кедах, с тоннелями в ушах и в наушниках. Анна вскрикивает, парень проходит мимо, даже не посмотрев на нее. Растерявшись, Анна врезается в коляску, которой управляет нервная мамаша, и получает сполна. Равнодушно выслушивает ее претензии: «Эй! На дорогу смотреть кто будет? Вот дура, ребенка мне загрохаеть! Идиоты одни кругом...» И в следующее мгновение едва не сбивает деда с костылем. Он, как будто ласково посмотрев на нее, спрашивает обиженно: «Дочь, ты чего?» И вдруг громко, визгливо, как баба, начинает голосить: «Че, совсем охренела? Смотри, куда идешь! Уууу, шалава!» Замахивается на нее костылем. Анна поспешно сворачивает в переулок, в котором почти нет людей, останавливается, вытирает отчего-то набежавшие слезы, сморкается в бумажный платок и выбрасывает его в заплыванную урну, пространство вокруг которой сплошь усеяно окурками и белыми харчками.

Анна пытается радоваться свободе

И все-таки с этого дня я свободна. Свободна! Мне не надо больше ходить на работу. Я могу вставать когда захочу, ездить по миру — надо только сделать загранпаспорт, на который никогда не хватало времени, да и денег на поездки не было. Какая жизнь впереди, какая жизнь!

Но эйфория быстро проходит, все вокруг враз тускнеет. Да, я наследница немалого состояния, которое упало неожиданно, буквально свалилось с неба. Мне теперь не надо работать, возможно, никогда больше не придется, если не тратить деньги на перелеты бизнес-классом, платья от «Диор» и люксовые отели. Но я рыдаю над калеками в метро. А еще я порноманка. «Это всего лишь недоразумение, это не так уж страшно, это пройдет», — говорю я себе. Но чем больше себя утешаю, тем больше тревожусь за свое будущее.

Я еще не знаю наверняка, но как будто догадываюсь, что отныне стану жить по-другому, а это означает новые вызовы и проблемы. Теперь многое в моей власти, но и в поле моей ответственности. И у меня с этого дня не будет системы, которая держала меня в узде, не давая скатиться в окончательную порноманию. Этой узды больше нет, и я ужасно боюсь новообретенной свободы. А калек в метро — я всегда им сочувствовала. Но в этот раз они затронули что-то непо-

средственно во мне, подчеркнули мою беспомощность, мою неспособность справиться с этой новой свободой, о которой я никогда и не мечтала. Я боюсь ее, я уже страдаю и паникую, я словно вышла за пределы города, вошла в парк, каких много на окраинах, и вот этот парк скоро станет лесом, и я буду идти по нему без остановки, не поворачивая назад. Мне очень, очень страшно, скоро станет темно, а моя одежда такая легкая, и нет с собой еды, да и воды тоже нет. Хотя еще не так тепло, от жажды я страдать не буду и, слава богу, комаров в лесу нет. Но все равно мне страшно, страшно, страшно одной в этом огромном лесу, который я поклялась пройти весь, до конца.

Анна склонна к патетике. Надеюсь, вы быстро привыкнете к этому и поймете ее. И вот что еще важно вам о ней знать: Анна – добрый человек. И очень несчастная женщина. Но ведь вы и так уже об этом догадались, правда?

Анна рассказывает о первых днях на свободе

Вот так ирония судьбы! Сегодня, в первый день своей свободы, я сама себе отключила интернет, который ругаю на чем свет стоит в последнее время. И теперь не знаю, что делать. Радоваться? Но куда уж тут!

Все произошло странно и глупо. Я мыла пол и задела интернет-кабель, который оказался под системным блоком. Вытащила его оттуда, когда села за компьютер, но язычок на коннекторе отвалился. В душе неприятно екнуло. Но я не сдалась и отважно воткнула кабель в компьютер. Коннектор не светился ярко-зеленым свечением – плохой признак. В подтверждение не грузился Skype и оба экрана в нижнем правом углу (значки для сетевых кабелей) были перечеркнуты красным. Для полной убедительности попробовала выйти в интернет. Ноль. Пустота. Меня объял легкий ужас. Его сменила досада. Я стала звонить по разным телефонам, которые у меня, к счастью, были. Выяснилось, что все просто, но при этом сложно. Мастера идти за такой мелочью не хотят. Или хотят, но это будет очень дорого. За такие деньги я и сама не хочу, чтобы они ко мне приходили. (Тем более что наследство надо ждать еще месяц. Пока приходится жить на то, что дали при расчете – зарплата и отпускные.)

Итак, я отрезана от мира. Странное чувство! Кляла интернет, поносила его на чем свет стоит. Осталась без него. Мечта сбылась? У меня есть одна большая слабость: я люблю говорить правду. И я скажу так: мой личный кошмар интернета сменился на кошмар без него. Ловушка? Еще какая.

Эта история закончится тем, что Анна сама все починит. Разберется, какой проводок в какое гнездо втыкать, купит специальный аппарат, похожий на неуклюжий пистолет, и с его помощью закрепит кабель на коннекторе. Она будет удивлена, что ей так ловко удастся справиться со всем этим. Теперь она снова с интернетом. Казалось бы, можно радоваться, но Анна не была бы Анной, если б в ее жизни все было так просто.

Анна рассказывает про то, как стала наследницей

После починенного проводного интернета, который я демонстративно предпочитаю wi-fi, ко мне возвращается хорошо знакомый ужас. Еще несколько часов назад я, кажется, страдала от изоляции. А сейчас мне снова хочется стать Робинзоном Крузо, отрезанным от всего мира толщей воды на своем необитаемом острове. Да, я хочу стать Робинзоном, который не заботится о пропитании, а просто ведет свой дневник. И вообще, будь я им, ни за что не вернулась бы обратно. Осталась бы одна на острове. Но я не на острове, я в Москве. И вместо поисков необитаемого острова я снова принимаюсь яростно серфить в интернете.

Ах, я до сих пор не рассказала вам, откуда мне упало это громадное наследство. Рассказываю: мне не многое известно, но этого человека, который сделал меня своей наследницей, я, кажется, никогда не видела. Его фигура для меня – загадка, но я о нем не буду много рассказывать. Во-первых, потому что мало про него знаю, во-вторых... Это как с моей порноманией: какая разница, почему, откуда и как? Главное, что случилось. Так вот, в тот день я была, как обычно, на работе, в офисе, и мне позвонил незнакомый человек, представившийся как адвокат, он назвал свое имя и фамилию, ко-

торые я тут же забыла, видимо, из-за волнения. Сказал, что у него есть ко мне дело. Он назвал имя человека, который составил на меня завещание, но оно мне ничего не говорило.

На личной встрече через два дня он показал мне оригинал завещания. В нотариально заверенном документе я увидела свою фамилию и дату рождения, даже адрес регистрации в Москве. Так я стала наследницей. Тот, кто меня ей сделал, был бездетным и жил одиноко, к тому же специальный пункт в завещании прописывал мое исключительное право на наследство. В суете и волнении я не обратила внимания, собственно, на сумму, которая мне причиталась. Когда я ее наконец увидела, я просто не поверила. Это все мне? Вы не шутите? Адвокат посмеивался. Я смотрела на него как во сне. Почему он не смошенничал, не переписал завещание на себя или еще что-то в этом роде? Ведь он один знал все от начала и до конца, у него явно были такие возможности. Может быть, здесь таится какой-то подвох? Словно в ответ на мои мысли он сказал: «Я американский адвокат. И никакого подвоха здесь нет, все прозрачно и честно. Я работаю на крупную американскую фирму, и она следит за каждым моим шагом в отношении наследства». И тут я впервые заметила его акцент. Он прекрасно говорил по-русски. «Но за эту работу я хочу большой гонорар. Дело было сложное. Ваш родственник, или кем он вам приходится? Так вот, он меня просто измучил, поверьте. Звонил по пять раз на дню, жаловался и требовал гарантий... Тяжело было с ним, тем более

с таким богатым и властным человеком. Думаю, он был бы сейчас доволен: все произошло согласно его воле».

Так я стала наследницей огромных денег. Ну, не миллиардершей, нет, слава богу, но для меня та цифра, которую я прочла в завещании, стала реальной лишь через некоторое время. Ведь это даже сильнее, чем выиграть в лотерею. В лотерее ты хоть как-то к этому готов, а тут среди бела дня тебе объявляют, что ты наследник стольких-то миллионов... Прочла неделя, когда я поняла, что это и правда так, что никто меня не собирается обманывать, что это чистая правда, что надо лишь заплатить адвокату кругленькую сумму, которую он честно заработал. И, самое приятное, деньги лежали не в российском банке, а в американском. Причем половина средств была вложена в прибыльные предприятия, то есть была акциями, что повышало их ликвидность. Так сказал адвокат, и мне не было причины ему не доверять. В любом случае я мало что смыслю во всем этом. Со временем, наверное, мне придется во все это вникнуть. Но только не сейчас, когда я едва начинаю осознавать, что все эти деньги — мои...

Анна начинает рассказ о своей порномании

Про неожиданное наследство, надеюсь, вы поняли. Теперь о моей порномании. Как я говорила, она началась давно, когда я работала в офисе. Даже еще раньше, возможно, после смерти матери. А может, это случилось, когда я была подростком? Я говорила об этом в самом начале, но тогда мне это казалось чем-то незначительным, не таким уж важным. Надо признать: я до сих пор не понимаю, когда я окончательно стала такой.

Я и сейчас не могу точно вспомнить момент, с которого по-настоящему стала порноманкой, или, как говорят пользователи сети, «реально подседа» на интернет-порно. Могу лишь сказать, что однажды, сидя и пялясь в проклятый монитор, я вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, потерявшейся в большом лесу. Но не в том лесу, по которому я в самом начале приглашала вас со мной прогуляться, а лишь в чем-то похожем на него. Лес этот казался ловушкой. Он и был ловушкой. Я поняла, что попала в западню. Во сне этой же ночью я увидела, как проваливаюсь сквозь монитор своего старого компьютера в похожий лес, и это меня испугало. Я проснулась, дрожа от неприятного возбуждения, и долго не могла заснуть. Мне было холодно, бил озноб, я никак не

могла согреться.

А до интернет-порно было видео, формат VHS. Но это были мимолетные просмотры, обычно у друзей, и я их «стыдилась». Кстати, они замечали мое стеснение, когда случайно мой взгляд падал на кассеты с порнухой с зазывными названиями и с фотографиями ударных сцен на другой стороне обложки. Но тогда я не была одинокой порноманкой. У меня были парни. А вот после того, как не стало мамы, во мне что-то по-настоящему изменилось. Я сама не знаю, что, но я стала другой, и все моментально это почувствовали и отстранились от меня. В один миг я стала им всем чужой, даже себе. И по-настоящему одинокой... Что до отца, то он до сих пор жив, но я его очень редко вижу. А когда получается увидеться, то меня охватывает омерзение и разочарование. Вы еще про него услышите. Но, боюсь, не так скоро.

Извините, что перескакиваю, я просто пытаюсь разобраться, как я пришла к тому, к чему пришла... Так вот, подседа на интернет-порно я, как полагаю, сразу после того, как почувствовала свое одиночество, после этого сна про лес. По крайней мере, так мне сейчас кажется. А с матерью мы не были так уж близки... Хотя это вранье. Мы были близки! У меня была хорошая мать. Правда, она вмешивалась в мою жизнь, и мы часто из-за этого ссорились. Я не была идеалом – грубила ей, не отвечала на звонки. Но как только я уступала, она тут же старалась вернуть свое влияние на меня. Я ее понимала и сочувствовала: она была одинока, ей так хоте-

лось участвовать в чьей-то жизни. В моей жизни, ведь я была единственная, с которой она могла бы реализовать свои намерения. Но она делала это так неумело. Ее неуклюжие попытки упорядочить мою жизнь выводили меня из себя. Я часто на нее срывалась. Но были и другие моменты, когда мы ладили. Тогда я понимала, что люблю ее. Не так часто это случалось, но все же. И, несмотря на мое желание независимости, на мое сознательное отдаление от нее, мы много разговаривали, я делилась с ней почти всем, даже неудачами с мужчинами, которые преследовали меня. Пару раз я даже плакала, когда разговаривала с ней по телефону и мы коснулись этой темы. Один раз разрыдалась прямо у нее на плече, когда меня бросил этот козел.

Все произошло так внезапно и трагично! Когда мамы не стало, я поняла, насколько одинока. И еще эти угрызения совести: почему я так мало уделяла ей времени, почему грубила ей, почему не слушалась ее, ведь она часто советовала хорошие вещи? И так далее, все больше и больше. Год прошел в таком настроении, на работе все из рук валялось, пришлось объясняться с начальством, часто брать отпуск, уходить на выходные за свой счет... Во время одного из таких «дополнительных выходных», как мне кажется, я и подседа на интернет-порно.

Не то что бы я не знала о его существовании раньше, во-все нет. Я еще как знала о нем, просто оно не особо затягивало меня. Ну, есть и есть, ну да, некоторые клипы меня чуть

больше возбуждали, если вообще возбуждали. Я не придавала этому большого значения, скорее, смотрела от скуки и, как я уже говорила, не втягиваясь. Но в один из тех злополучных выходных на страшно популярном порносайте (чуть меньше 50 процентов мирового интернет-трафика) мне попался страшно возбуждающий клип... Я не помню его, он сейчас – один из многих клипов, от которых я сильно заводилась, яростно мастурбировала и кончала. Но тогда я была вне себя, я смотрела и смотрела его, и всякий раз в висках стучало от возбуждения, в низу живота начинался зуд, и я, чтобы унять его, дрочила.

Так я превратилась в порноманку. Через неделю у меня появились синяки под глазами, я меньше волновалась о том, как выгляжу, мужчины перестали замечать меня. Я стала невидимкой. Коллеги, наверное, увидели эти перемены во мне, но ничего не сказали. С друзьями и знакомыми в тот период я встречалась мало, и все как-то на бегу. Я стала страшно занятой – мне надо было прийти как можно раньше домой, чтобы успеть просмотреть несколько видео, порой двадцать или даже больше, прежде чем найти что-то «подходящее», от чего я быстро кончу.

У меня не было каких-то четких предпочтений – я могла кончить от какого-то совсем дежурного или даже случайного кадра, а могла завестись на самую ударную сцену, которой как раз-то и намеревались поразить... Я смотрела все – и любительские ролики, и постановочные сцены, и даже

целые фильмы, хотя последнее случилось все реже. Даже если я скачивала целый фильм на порноманском торренте, то обычно меня волновала одна, и то не полная, сцена. Интернет с его разнообразием, с его мобильностью и клиповостью приучил меня к разорванному, скачущему галопом методу просмотров. Порой я не досматривала пяти- или даже двухминутное видео, как перескакивала и искала что-то новое. Часто, когда я смотрела вроде бы «захватывающее» меня видео, мой взгляд скользил по подборке с «похожими видео»; кстати сказать, они не всегда были «похожими», но в системе интернет-фильтров выскакивали именно они... Порой меня озадачивала эта подборка, но взгляд шарил по ней, высматривая «еще что-то». Это было похоже на увлекательную игру. И каждый вечер, да, каждый вечер, мне надо было найти хоть одно видео, которое бы удовлетворило моим запросам, которое заставило бы меня замереть и, после небольшой помощи себе, кончить и успокоиться. Почти всегда после разрядки наступал момент опустошенности, но я его быстро заглушала чем-то – книгой, телефонным разговором, просмотром «нормального» фильма (то есть, не порнофильма), просто какими-то мыслями. Нет, и после этого чувство пустоты не отпускало, но уходило куда-то с первого плана, маячило как неизменный фон моих вечеров. Вечеров порноманки. Моим лучшим другом стал компьютер. И – очень важная деталь – я заметила, что лишь после сеансов порномании я могла заняться чем-то другим – сходить в душ, почитать, по-

смотреть телик, поговорить с друзьями... Я понимала, что порномания вышла на первое место как потребность и как способ проведения времени, я чуть не сказала «досуга», хотя назвать это досугом мой язык не поворачивается. Это была работа, не слишком тяжелая, волнующая и даже интересная, но требующая усилий и концентрации, эдакая спринтерская стометровка, которую я должна была пробежать во что бы то ни стало. И я пробегала ее, старалась изо всех сил достичь лучшего результата. Я стала спортсменом, а порномания – моим спортом. Тренировки каждый день, нацеленность на результат, достижение результата, краткая радость от достигнутого, быстрое разочарование и опустошенность. И так каждый день.

Анна и Андрей

Теперь у вас есть представление о том, как я стала порноманкой. Возможно, это случилось много раньше того дня, но осознала я это именно в тот момент, который описала. Именно тогда я по-настоящему провалилась в порноманию, стала частью этого механизма, этой вселенной... Я говорю напыщенно, но именно так я чувствовала себя и до сих пор чувствую, помимо слишком уж прозаических сравнений со спортом. Наверное, это еще похоже на тягу наркомана или маньяка, или просто на одержимость, на сильное расстройство, на душевную болезнь, в конце концов. И правда – я чувствовала себя больной, как бывает с наркоманом или с душевнобольным... Сначала это была, как мне казалось, «высокая болезнь». Я даже считала себя «избранной». Но вскоре я поняла, что в моей порномании нет ни капли «высокого». Однажды я увидела себя словно в зеркале: это была скрюченная, сидящая в неудобной позе довольно привлекательная молодая женщина, которая вдруг решила нырнуть в бездну.

Став порноманкой, я принялась посвящать большую часть своего свободного времени просмотру порноклипов и мастурбации под них. Почти весь мой пыл уходил на поиск этих видео и последующее самоудовлетворение. Я ведь ста-

ла спортсменом, если отбросить сравнения с одержимостью и наркоманией. Но, даже выдохшаяся, после своего спринтерского забега, как лошадь в мыле, я по-прежнему читала блоги в «Живом Журнале», просматривала новостные сайты, одним словом, не переставала интересоваться всем, что происходит в мире. Я вообще всегда довольно много читала. Раньше покупала книги, но в последнее время прекратила заходить в книжные магазины; меня развратил Рунет, в котором есть буквально все, любая книга совершенно бесплатно, слава пиратам! Минимум дважды в месяц ходила в кино, смотрела актуальные артхаусные фильмы. Все эти привычки никуда не делись, но их потеснил мой новый спорт. И я не могла не понимать, как все-таки сильно деградировала с момента начала моей порномании.

Во время недавнего нырка в «Живой Журнал» (конечно, уже после порно-марафона) случилось странное: я неожиданно наткнулась на большой пост в блоге некоего Андрея, которого совершенно не знала. В нем он писал, как недавно расстался со своей девушкой, как страдал от разрыва и мечтал обрести ее вновь. Пост был написан неграмотно и примитивно, как большинство постов в ЖЖ, его автор был жалок и слезлив. Да еще и расписано все было подробно – на «много букв», как говорят читатели блогов. Тем не менее, дойдя до причины разрыва, я вздрогнула и стала читать с гораздо большим интересом... Оказалось, что девушка Андрея тайком снималась в порно, для этих бесчисленных платных пор-

но-сайтов, основная аудитория которых – старомодные пузатые мужики из США и Германии, не умеющие пользоваться порно-торрентами. Андрею рассказали про это его друзья, давно подсевшие на сетевую порнуху (естественно, бесплатную), несмотря на семью и прочие атрибуты благообразных граждан. И даже заботливо скачали с порно-торрентов клипы, где его девушка была «звездой». Это, несомненно, была еще и месть. Они завидовали Андрею. Ведь, насколько я знаю, для многих мужчин то, что знакомая, пусть даже опосредованно, девушка снимается в порно – нечто стыдное, но в то же время и почетное. Они, скорее всего, не станут говорить об этом с каждым знакомым, но приятная амбивалентность останется. И, конечно, они не смогут признаться в открытую, что мечтают поиметь такую девушку, но все как один ее хотят, грезят о ней, возможно, даже мастурбируют, представляя себя с ней.

Бедный Андрей стал смотреть присланное: сцены на кушетках, глубокие минеты, двойное проникновение. И все это проделывала его девушка! В одном видео ей даже пришлось вылизывать мужской анус; именно это больше всего его возмутило. Он устроил скандал. Она отпиралась до последнего, но в конце призналась. Он спросил: почему? «Ну... типа из-за денег». Потом оказалось, что ей это еще и нравилось. Это было вторым и самым сильным ударом для Андрея.

Из примерно ста пятидесяти комментариев к этой исто-

рии не нашлось ни одного в пользу Андрея. Во всех без исключения его унижали, «троллили» и говорили, какой он лох. Некоторые просили прислать им в «личку» видео с его бывшей девушкой или выложить их прямо в блоге.

Я не оставила никакого комментария, но написала ему сообщение, что понимаю (хотя я не понимала, это было чистой воды притворство), как ему тяжело и больно, и предложила встретиться. Андрей ответил в тот же миг и радостно согласился. Встреча произошла на следующий день.

Мы встретились в одном из тех пошлых и довольно дорогих сетевых кафе, которые оккупировали центр Москвы. Андрей оказался хорошо одетым, воспитанным, довольно симпатичным молодым человеком, но все время озирался и пристально всматривался в рядом сидящих или проходящих мимо людей, словно ждал еще кого-то. Что-то его тяготило. Неловкое молчание, долгие паузы – все это было невыносимо в первые полчаса встречи.

В ходе разговора я быстро поняла, почему с ним случилось это. Андрей был классическим «хорошим парнем». Даже не парнем, а мальчиком из хорошей семьи. Таким до тошноты чистым, порядочным, со строгим воспитанием, скорее всего, зажатым в сексе. И как результат подсажен на порно. Он признался, что часто онанирует. Его посещают фантазии о развратных девушках, о сексе с ними в публичных местах. Поэтому он притянул именно такую девушку; в этом я не сомневалась, о чем ему сразу и сказала:

– Конечно, это не оправдывает влечения твоей бывшей подруги к порно... В сущности, никого не оправдывает. Ни ее, ни тебя.

– Ужасно! – ответил Андрей. – Мой психолог такого же мнения! Говорит, что я даже больше виноват, чем она...

– Вот видишь, – выпалила я, не подумав.

Но, решив, что я играю с ним слишком жестко, постаралась смягчить свою категоричность:

– Тут обоюдная вина. Пятьдесят на пятьдесят. Но со своей проблемой ты должен разобраться сам. Один на один.

В итоге я испугала его еще больше.

Я понимала, как сильно на Андрея давило воспитание: он ведь был типичным «хорошим мальчиком из хорошей семьи», которому всего хочется и ничего нельзя. Кругом одни запреты. Вот почему ему так нужна была эта «плохая девушка». Он хотел с ее помощью освободиться. Но она не освободила его. Ведь она не могла быть плохой с ним. Уж слишком он сам был хороший. Зато ей хорошо удавалось быть плохой с теми мужиками, которые трахали ее в порнухе. Андрей был хорошим мальчиком, который мечтал стать плохим, а она – плохой девочкой, мечтавшей стать хорошей. Она не могла преодолеть в себе стремления к плохому (как результат — съемки в порно) плюс была жадной до денег, но с Андреем она хотела быть другой – хорошей. Андрей же хотел, чтобы она была плохой (и) с ним. Но с ним она этого не хотела. А может, даже не могла. Ведь Андрей был из другого круга.

Она и выбрала его из-за этого. Она хотела войти в этот круг. Если не войти, не стать его частью, то хотя бы приблизиться к нему с помощью Андрея. Но он не давал ей этого. Он, будучи хорошим и воспитанным, «принадлежащим» к этому кругу, не позволял ей к нему приблизиться. Ему хотелось видеть ее «плохой». Она понимала это и мстила ему. А то, что, посмотрев эти порнофильмы, Андрей стал требовать от нее делать те же вещи, что он видел в ее исполнении «там», окончательно добило их союз. Вот почему я сказала ему в кафе: «Не ищи плохую девушку, Андрей! Постарайся найти хорошую девушку, которая иногда может поиграть в плохую. И тогда все получится!»

Он кивнул, нервно улыбнулся и проговорил: «Постараюсь». Встал и ушел вприпрыжку, так ему не терпелось завершить этот непростой разговор. Я посмотрела ему вслед и поняла неожиданно: меня что-то тронуло в нем. Тем же вечером, к моему безграничному удивлению, он попросил меня еще об одной встрече и прибавил, что это для него очень важно. Мы встретились на следующий день, в том же сетевом кафе. Он казался очень взволнованным, ему не терпелось чем-то со мной поделиться. Я молчала и смотрела на него, на его трогательное волнение, на его напряженные черты лица, на его чуть дрожащие руки и ждала. После небольшой паузы, еще до того, как подошел официант, Андрей, набравшись смелости, неожиданно громко сказал, что ему хотелось бы со мной встречаться. На нас оглянулись сидевшие

за соседним столом молодые люди. Они многозначительно переглянулись. Андрей поспешно прибавил, что у него возникло ко мне «что-то серьезное». Меня позабавила и, признаюсь, взволновала эта фраза. Меня раздражали циничные ухмылки молодых людей, сидевших неподалеку. Я понимала, что на это надо что-то ответить. Хотя, ответ был давно готов, точнее, я была готова ответить на это, потому что Андрей был очень трогательным. Я сочувствовала ему и хотела быть с ним, хотела видеть его без одежды, голым и беззащитным. Эта фантазия не отдавала прямым эротизмом, не была порнографической, но, несомненно, это было эротическое чувство.

Неожиданно для себя я резко отказала ему, хотя на языке у меня были совсем другие слова. «Андрей, разденься передо мной скорее, я хочу видеть тебя обнаженным и беззащитным, таким, какой ты есть на самом деле... Андрей, я хочу тебя, однако у меня не течет от этого так, как течет от просмотра этих отвратительных порноклипов. Но это меня сильно волнует, не физически в первую очередь, а скорее духовно... Я хочу быть с тобой, Андрей, Андрей! Хочу, хочу, но мне немного страшно, потому что это так отличается от того, что я делаю, от того, что я привыкла делать, от этой мерзкой, безысходной, тупиковой порномании, от моей одержимости визуальными образами, этими голограммами, льющимися на меня потоками с монитора... Андрей, Андрей, почему я отказала тебе? Я ведь так хочу, чтобы ты ме-

ня трахнул, вошел в меня, сделал со мной то, что я и не подозревала. Использовал бы меня, как шлюху и как деву, все в одном лице, ведь это и есть я, Анна, порноманка, героиня своей собственной пьесы. Анна, порноманка, хотящая любви и отвергающая ее, Анна, хотящая грязи и ненавидящая ее, Анна, которую ты видишь и хочешь, точнее, говоришь, что хочешь лишь встретаться, а на самом деле... Мне не важно, что на самом деле, мне важно, чтобы моя история продолжалась. Зачем, зачем я сказала, что не хочу с тобой встречаться? Я не понимаю себя, не понимаю...»

Андрей, услышав эти фальшивые слова отказа, встал и, не говоря больше ни слова, ушел, не заплатив за свой кофе, который только что принесли. Сколько прошло времени с того момента, как я резко отказала ему и замолчала, погруженная в собственный галлюцинаторный мир? Сколько времени прошло, пока он ждал, когда я наконец скажу правду: «Андрей, мой маленький Андрей, да, я согласна! Согласна с тобой встречаться... Скорее поехали к тебе, ко мне, куда угодно, ты можешь даже здесь раздеться и показать мне свое стеснительное и не идеальное тело... И я буду смотреть на него, просто смотреть, без сучьей течки, без мастурбационного возбуждения, без всякого желания. И это будет так здорово, так ново после того, к чему я привыкла...» Он не дождался этих слов, хотя знал их, слышал их. Пустая формальность, но наш реальный, не воображаемый, мир управляется именно такими формальностями.

После галлюцинаторного приступа я вернулась в формальный мир, порвав все связи со своим воображаемым театром. Я – наследница миллионов, которые не мои, но почему-то стали моими. Заплатив за два кофе и почувствовав себя богатой, я вышла из кафе и стала озираться. Вдруг Андрей ждет меня за углом? Я не могла отделаться от мысли, что он где-то рядом. Но его нигде не было. Сколько времени я живу без секса? Месяц, два, три? Не помню, ничего не помню, помню только этих нескончаемых парней из порнороликов... На которого из них больше всего похож Андрей? Слава богу, ни на одного из них. И не может быть похожим. Потому что они голограммы, лихорадочное свечение монитора, а он живой. Живой. Я, не помня себя и снова погрузившись в пограничное, полубредовое состояние, схожее с тем, какое было в кафе, когда я словно говорила те слова, слова признания, обращенные к Андрею, о его теле и беззащитности, о моем желании быть с ним... Я, все еще погруженная в свой галлюцинаторный сон, набрала на мобильном его номер и, не дожидаясь его наигранно-безразличного «Алё», и выпалила, что хочу быть с ним, прямо сейчас, и что я сожалею о том, что отказала ему. «Но ты не отказала мне! Точнее, отказала в самом начале, но потом, закатив глаза, стала быстро говорить что-то, о моем теле, о том, как я тебя волну... Я не знал, как на это реагировать, на нас смотрели посетители, ты была как ненормальная! Ты и есть, наверное, ненормальная, или притворяешься ею... Ты очень странная!

Я никогда таких не встречал. Я подумал, что это какой-то розыгрыш. Или ты и правда не в себе, может, наркотики, или какие-то сильные таблетки... Мне страшно стало! И поэтому я так быстро ушел, убежал даже... И за кофе не заплатил. Сколько я тебе должен?»

Через полчаса я приезжаю к Андрею. Он немного напуган. Мы оба знаем, что нам предстоит, но оттягиваем это. Наконец, доходит до стеснительного раздевания. Я раздеваюсь сама, и он тоже. Я смотрю на него, он смотрит на меня. Он не возбужден, я тоже. Мы как два стеснительных ребенка. Включить порно? Нет! Завести его? Но как и чем? Начать онанировать, как я уже привыкла? В его присутствии... Нет, нет, нет! Наконец, он первый подходит ко мне. Целует меня. Но в нем никакой страсти! Он словно хочет смотреть на нас издали, через какую-то пленку, через стекло или через... О нет, нет! Я не хочу думать об этом, только не об этом! В постели, когда мы наконец оказываемся в ней (перед этим я словно куда-то провалилась, потеряла счет времени и выпала из реальности), Андрей оказывается скованным и вялым. Так я и думала, словно знала и боялась этого. Не надо было начинать сразу с постели, мы оба совершили ошибку. Он как будто нехотя и боязливо входит в меня и так же неуверенно продолжает. Я лежу, ничего не чувствуя, готовая горько заплакать от этой неудачи. И вдруг понимаю, в чем дело: он такой же порноман, как и я.

Все закончилось, едва начавшись. Мы оба это поняли. На

следующее утро нам было неловко. Мы оба не выспались, стеснялись, разговор не получался. Я как можно скорее, со-славшись на дела, уехала. Андрей был втайне этому рад, хотя предлагал остаться. Я больше не звонила ему, и он мне тоже.

После окончания короткого «романа» с Андреем приходит жестокое похмелье. От многомесячного отсутствия секса и одиночества, которые были нарушены появлением реального мужчины, пусть даже законченного порномана, и невнятным сексом с ним, у Анны еще больше сдают нервы. На самом деле, она не очень привязана к сексу, не сильно зависит от него (так ей хочется думать). Но даже ее «неприхотливое» тело требует своего. Анна, «увы» (она все время подчеркивает это «увы»), не фригидная монашка, хотя это ее несбыточная (и хорошо, что несбыточная!) мечта. Она иногда грезит о прохождении сложных и жестоких ритуалов умерщвления плоти и усмирения духа. Но боится – даже не боли и дискомфорта, а чего-то другого, но неразрывно связанного с этими ритуалами. Этот страх нелегко описать, но, возможно, в реальности все обстоит не так сложно, как кажется: очень вероятно, что она просто не хочет меняться. Но оставим ей ее тайны, которые она так истово оберегает. Она любит их не меньше, чем свою порноманию. Хотя, возможно, я сильно ошибаюсь, и она уже давно не любит ни себя

саму, ни себя в роли порноманки, ни самой порномании.

Анна рассуждает об искусстве и профанации порно

Как было бы хорошо избавиться от этого зуда там, забыть об этой сучьей течке! А может, просто вырезать себе клитор, как в Африке? Но нет, я пока не готова расставаться с этой подвижной и отзывчивой частью моего тела. Поэтому мне не светит ни монашество, ни фригидность. К тому же радикальный дух моих рассуждений, хоть и направлен на обличение искусства, думаю, не понравится монашкам.

Мне хочется пофилософствовать, и я размышляю о порно. Конечно, о порно! Я приподнимаюсь на своей измятой, пропахшей потом и сексуальными выделениями, неубранной кровати, читаю лекцию, представляя себя лектором на кафедре какого-нибудь университета, и это новое для меня ощущение, оно отличается от тусклой, интимной сцены, на которой я обычно выступаю перед другой публикой. Нынешняя аудитория сильно отличается, она не такая чуткая и понятливая, не такая чувствительная и чувственная, более строгая, сухая, одним словом, академическая. Вот что я говорю этой недоверчивой, сложной аудитории: «Порно поставило на конвейер желание. Из-за него оргазм теперь стал чем-то обязательным и механическим, как чистка зубов... Если же говорить о нынешней доступности порно в интерне-

те, то это в корне неправильно, ведь это отменяет атмосферу относительной запретности и табуированности, в которых оно расцвело. Еще одна деталь: до эры интернета порно нельзя было так легко посмотреть. И тогда был другой экран, телевизионный, а не виртуальный. Это очень важно, прошу не смеяться, а тем, кому смешно, могу сказать, что выход из зала вон там, можете им воспользоваться... Так вот, на экране компьютера мы видим не живых людей, как на видеокассетах с порно, а виртуальных теней. И то «удовольствие», доставлением себе которого они якобы заняты, окончательно превращается в дьявольскую насмешку, в ехидство «высоких технологий». Эта насмешка, это ехидство и есть тот виртуальный мир, в который мы все глубже погружаемся, в котором многие из нас давно живут».

Я удовлетворена своей «лекцией». Поясню немного, а то, боюсь, вы не совсем поняли мою точку зрения. Я действительно считаю, что, будучи сегодня настолько доступным, порно стало чем-то тривиальным, как бывает с тем, что запрещали, а потом разрешили. И, самое главное, перенесенное на экран компьютера, оно лишилось чего-то важного. На компьютере лучшее изображение, но именно из-за этого порно стало сегодня таким тусклым, таким обыденным и скучным: в нем слишком все видно. Порно как бы «разделось» окончательно, выдало все свои секреты и утратило не только ореол развратности и порочности, но и таинственности. Да, именно так, в «старом» порно, которое делали для

экрана телевизора и смотрели его на нем же, оставалась загадочность, какой-то флер тайны. И это при, казалось бы, показанном до мельчайших подробностей половом акте... Но сегодня мы знаем, по крайней мере я знаю, насколько то «старое» порно целомудренно, невинно по сравнению с порно сегодняшним, сделанным «под компьютер».

Сегодняшнее порно, снимающееся для компьютера и просматриваемое также на компьютере, и даже то, которое не снималось для него изначально, но которое все равно смотрят на компьютере, по сути уже не порно, не возбуждающая и запретная непристойность, перенесенная на экран, а просто документация, фиксация половых действий, не имеющих к возбуждающей непристойности никакого отношения. Сегодняшнее порно мертво, профанировано, сведено к методу, к чему-то среднему между зоопарком и анатомическим театром. И виноват в этом, как я считаю, виртуальный мир, в котором порно заняло какое-то убогое, кастрированное положение. Правда, можно «утешить» себя тем, что в виртуальности все убого выглядит. Но особенно, по-моему, пострадало порно.

Да, я вижу все недостатки этого процесса, но сама же подседа на сетевое порно. Почему так вышло? Видимо, я не смогла сопротивляться моде, поветрию и «удобству». А также диктату искусственного интеллекта, который требует, чтобы с ним проводили как можно больше времени. Который требует, чтобы я, порноманка, отдавалась ему без остат-

ка. По сути, компьютер и есть мой любовник, дьявольское порождение искусственного интеллекта. С ним я вошла в извращенную связь, которой нет конца, в которой я давно не я, а кто-то другой, какое-то безобразное, безликое, отчужденное от самого себя существо... Сколько сегодня таких людей, беззаветно влюбленных в искусственный мир, в виртуальность, в то, чего по сути не существует! Мне страшно и горько, что я, далеко не дура, способная даже на некоторые философские выводы, пусть немного наивные, но прекрасно понимающая всю убогость и тупиковость своего положения, не могу сопротивляться этому. Мало того, что я порноманка, так я к тому же еще и рабыня виртуального мира, виртуальной порномании! И это вдвойне, если не втройне, унижительно для такого человека, как я. Для фантазерки, какой я всегда была, для одержимой актрисы, придумавшей свой собственный театр и играющей в нем в одиночку... Так низко пасть!

Порномания в разгаре: Анна рассказывает про возбудившее ее видео

Теперь, когда я свободна и не хожу на работу, порномания наваливается на меня со страшной силой. Меня неудержимо, как щепку по волне, несет в сторону порно. Я смотрю его постоянно, почти без перерыва, я живу им, служу его культу, как дошедшая до религиозного исступления послушница в монастыре, или как языческая жрица... Я превратилась в закоренелую онанистку. У меня болит все тело, рука, плечо, спина, клитор, пальцы. Но я упорно продолжаю. Я почти ничего не ем, лишь плююсь в проклятый монитор. Наверное, вы хотите подробностей, чего-то остренького, хотите тоже немного возбудиться, разделить со мной мой пыл, а то как-то нечестно получается, я вас распалю, а вы остаетесь в стороне, я ведь почти не даю смачных подробностей... Это нечестно, я не должна забывать о своей публике, о том театре, в который я превратила, или лишь хочу превратить, свою порноманию. Хорошо, я расскажу вам кое-что из недавнего, хоть это противоречит правилам игры, которые я установила...

Это был один из множества роликов, которые я регуляр-

но скачивала с бесплатного торрент-трекера, так называемое home porn, домашнее порно. У парня отличное тело, отметила я механически, как бы походя, уже не удивляясь своей циничности. (Да и чему тут удивляться? Я уже не животное, не робот даже. Я неведомое по своей низости и заброшенности нечто.) Видео было без звука, и оно почему-то напонило мне экспериментальные фильмы Энди Уорхола и Пола Морриса, которые они снимали на Фабрике в шестидесятых годах прошлого уже века. Конечно, это убогое «хотум-видео» без звука не могло тягаться с теми шедеврами. Но все же было в нем что-то ощутимо напоминающее (может, лишь мне одной?) атмосферу этих фильмов-провокаций, фильмов для вуайеристов. Было в этой дешевой подделке и что-то трогательное. Может, это из-за того, что парень был чем-то похож на Малыша Джо, Джо Далессандро, звезду знаменитой уорхоловской трилогии. Эти развращающие, дразнящие и бесстыжие (когда-то!) “Flesh”, “Trash”, “Heat”... В памяти всплыли давние просмотры этих фильмов в компании киноманов-эротоманов, моих знакомых, связь с которыми оборвалась давным-давно. Ах, какая горько-сладкая ностальгия! Ее не понять современным детям интернета, они не могут даже это представить. Как было сладко смотреть это запретное кино, да еще и в бывшем Советском Союзе!

Я погружаюсь в эти сладостные воспоминания... Да, в то время еще смотрели видео – на видеокассетах с фирменной обложкой. На «фирменных» (конечно же пиратских, но по

тогдашним временам качественно сделанных) кассетах ур-холовской трилогии, про которую я вспомнила, красовался Малыш Джо в бандане, с трогательным прыщиком на переносице. В те времена еще не умели замазывать изъяны фотошопом! И да, «в те времена» приглашали друг друга в гости, подавали чай с печеньем и обсуждали особо удачный ракурс... Но – нам стыдно было признаться – смотрели мы в основном не на ракурсы, а на яйца Джо, круглые и совершенные, на его член, на его спину и задницу, на его почти звериную и в то же время нежную и чуть ленивую грацию, с которой он ходил, садился, говорил, лежал, раздевался. Сколько раз ночью я вспоминала это зовущее тело! Оно манило и дразнило меня, и будучи подростком, совсем еще девушкой, вчерашней девочкой, я уже яростно онанировала. И порой не могла заснуть, не вспомнив Малыша Джо и не кончив. Эта, возможно, самая первая волна моей «порномании», которую я сейчас вспомнила, быстро закончилась, уступив место стыду и интеллектуальным поискам. Правда, с тех пор онанировать я не прекращала. Это случалось то чаще, то реже, но все-таки довольно регулярно. Просто в то время я не была так зациклена на этом. В то время не было виртуального мира.

Спустя десять с лишним лет я опять та же девчонка, что не может заснуть от мыслей о малыше Джо, точнее, о других «малышах», давно сменивших его, безымянных, без намека на харизму и убогих, но все равно возбуждающих, по-дру-

гому возбуждающих. Сегодня все приобрело более грубый и прямолинейный оттенок. В отличие от тех просмотров, с печеньем и компанией единомышленников, сейчас я одна, наедине с этим монстром — унылым монитором моего компьютера. И я дрочу на парня, похожего на малыша Джо, на то, как самовлюбленно и в то же время небрежно он снимает плотно облегающие его подтянутую, выпуклую попку черные трусы; он знает, что красив! На то, как он подчеркнуто безразлично, почти по-хамски, обращается со своей девушкой. На то, как он нарциссически проникает в нее, красуясь своим телом, любуясь на него, словно смотрит со стороны... Потом, после невнятного секса, он садится рядом с ней и они внимательно смотрят куда-то. Я догадываюсь, что они просматривают только что отснятое видео, комментируют его. Девчонка, видимо, говорит какую-то глупость, и парень легонько бьет ее внешней стороной ладони по лицу — не жестоко и не больно, но так, словно она предмет.

Однако самое главное возбуждение впереди. И я знаю, чувствую, что надо чуть-чуть подождать, и тогда я увижу то, ради чего все это затевалось, то, ради чего я скачала это домашнее видео. Девушка встает с дивана и выходит из кадра. Немного погодя парень тоже встает, поворачивается к камере задом, наклоняется и натягивает трусы. В последний раз мелькает его тугая красивая задница, и...

...И я яростно кончаю. Больше всего меня возбудила неторопливая беспечность и небрежность, эта случайность, с

которой кусок задницы молодого нарцисса мелькнул в кадре и тут же исчез. Сама не понимаю, почему меня это так завело, но я рада этому, рада этой спонтанности, этой случайной атаке похоти и воспоминаний, связанных с юностью. Эта ситуация хотя бы немного ослабила хватку виртуальной порнографии. Я на мгновение погрузилась в то время, когда не было экранов, не было искусственного интеллекта, когда я и другие люди не были рабами виртуального мира, когда мы были свободны, сами не понимая этого. И не очень-то эту свободу ценили, если быть честными. Потому что не знали другого мира. А этот другой, О-Чудный-Новый-Мир, уже стоял у ворот, терся о них как шелудивый пес, подвывал и поскуливал в нетерпении, готовился войти и захватить все вокруг, уничтожить старый мир, изменить нас всех до неузнаваемости.

То было счастливое время, время свободы и самых смелых свершений. Я говорю о девяностых годах в России, да и, пожалуй, на всем бывшем постсоветском пространстве. Пал железный занавес, истлел в прах советский монстр, в воздухе было столько свободы, он пьянил и сводил с ума. Люди не были так сильно поглощены потребительством, не были разобщены, не проводили время в социальных сетях, подглядывая друг за другом, не пялились с утра до ночи в мониторы, они просто жили и получали удовольствие от самых простых вещей. Молодые люди, такие как я, были полны надежд, мы были наивны и безумны, мы все хотели скорее попробовать, приобщиться к недавно запрещенному, испытать

на себе. Многие сгорели в этом пламени: наркотики, бандитизм, отчаяние, алкоголизм. Да еще эти чеченские войны, одна за другой. Но, несмотря ни на что, мы были счастливы. Мы верили, мы жили. Мы были свободны. Я благодарна этой паре, выложившей свое домашнее видео без звука, за эти воспоминания. Я даже вступаю в некое подобие эйфории. Увы, ненадолго.

Ненависть к себе

После просмотра «немого» фильма и ностальгии по девяностым на меня что-то находит. Я хочу ругать себя последним словами, обзывать, унижать и топтать.

Вот что я говорю, стоя перед зеркалом и с отвращением глядя на свое тощее, изможденное тело, на осунувшееся лицо с кругами под глазами – неизменными спутниками порноманки и онанистки:

– Ты злобная засохшая манда. Вонючая и заскорузлая. Я ненавижу тебя. Твою худобу, сутулость и снобизм. Твои маленькие сиськи. Твою серую, задроченную пизду...

Я сжимаю правую руку в кулак и что есть силы бью ей в зеркало, в ненавистное мне отражение. Боль отрезвляет меня, но ненадолго.

Анна получает наследство и продолжает страдать

Наконец-то у меня появился доступ к деньгам, завещанным моим анонимным благодетелем, к моему наследству, на которое я имею полное право, согласно его завещанию. Куча денег, банковский счет, карточка, все что нужно для чудесной, беззаботной жизни. Буквально за час я оформила все и вернулась обратно, в свою конуру, в медвежье логово. Какая жизнь впереди, какая жизнь! Деньги даруют любые возможности, я свободна, могу делать что хочу, я должна плясать от счастья, радоваться жизни. Но я не рада. Что со мной происходит? Неужели я и правда настолько деградировала из-за своей мании? Да, скорее всего, так оно и есть. Я не могу даже представить, как прожить хотя бы час без того, чтобы не смотреть порно и не онанировать.

Я хочу выть не переставая, пока хватит сил и голоса, чтобы сорвать навсегда голосовые связки. Может, кому-то понравится, если я стану немой? Помогите мне кто-нибудь, прошу вас! Я так одинока, я так слаба... Я в тупике.

Но, может быть, это не самый страшный тупик. Я, наверное, еще не достигла дна, от которого смогу оттолкнуться. А если не смогу, тем хуже для меня.

Порномания: оттолкнуться от дна

Снова и снова мысли о порно. Это отвратительное, извращенное удовольствие в подглядывании за другими, которое так распаляет меня, эти возбуждающие образы, струящиеся потоками с экрана... Куда мне еще упасть? В какую пропасть? Я чувствую себя грязной, никудышной и ненавистой самой себе. Как еще унижить себя и свое тело? Есть ли в этом предел?

Но я чувствую, что на этот раз, впервые за всю историю моей порномании, я достигла дна, предела, что дальше падать уже просто некуда, я уперлась во что-то твердое. Я дошла «до точки»: у меня невыносимо болит все тело, когда я дрочу под порно. Когда же я с партнером, даже с самым никудышным, то почему-то все нормально. Тело не болит, нет-нет, никакой боли, оно даже поет. Но в нынешнем моем состоянии найти кого-то, даже просто выйти из дома означает геройский поступок, подвиг. Я стала настоящей затворницей, хикикомори, кажется, так их называют в Японии. На что они живут, интересно? На господские, на деньги родителей? Или как я – на неожиданное наследство?

Впервые за месяц я собралась выйти из дома. Да, я провела безвылазно в этих тридцати метрах почти целый месяц, никуда не выходя – мой персональный рекорд. Вот я вышла

из дома, и не знаю, что это мне принесет, но это все равно лучше, чем медленно убивать себя.

Анна идет к врачу

Я иду к... врачу, к «специалисту широкого профиля». То есть к терапевту, причем в обычную государственную больницу, хотя собиралась в частную клинику, тем более она совсем рядом. Но только что мне попались две пожилые женщины, и одна из них говорила другой: «У нас только в государственных больницах лечат. У Алки дочь пошла в частную клинику, там диагноз неправильно поставили и еще ободрали как липку. Им нельзя доверять! Вот и приходится в очередях стоять... Там хоть не так обманывают, они проверок боятся. А те ничего не боятся, их не проверяют, им лишь бы денег содрать! У нас-то их все равно нет... А те, у кого есть, их так обдирают, что мало не покажется!»

Видимо, этот треп на меня подействовал, или я сомнамбула, но вместо частной клиники буквально за углом от моего дома ноги сами принесли меня в государственную больницу, которая, к счастью, тоже не очень далеко. После оформления в регистратуре и моих сбивчивых объяснений меня неохотно направляют к общему врачу. Очередь к терапевту огромная, присесть негде, но меня это не смущает, я весь месяц только и делала, что сидела. Я встаю поближе к окну и начинаю читать книжку, которую предусмотрительно захватила. Читаю чисто автоматически, ничего не понимаю, слишком

непривычная атмосфера, слишком многое отвлекает. Чувствую, как на меня пялятся женщины из очереди. Я откладываю книгу и тоже начинаю их бесцеремонно разглядывать. Женщины неохотно отводят глаза.

Через полтора часа подходит моя очередь. Терапевт ленив и явно не хочет мной заниматься. Не глядя на меня, заполняет какие-то бумажки. Видя его пофигизм, я срываюсь и резко говорю ему:

– У меня проблема... Мне надо к психологу! Я провожу слишком много времени на порносайтах!

Он вздрагивает, глаза блестят злорадным огнем и тут же снова потухают. Бледный и тоскливый голос скрипит:

– Меня не волнует, где вы проводите время.

– Вас ничего не волнует!

Его глаза белеют от ненависти.

– Уходите отсюда!

Встав, я выхожу и резко захлопываю за собой дверь. В коридоре тихо, женщины напуганы, мальчик лет пяти-шести не сводит огромных глаз. Пока что он чист и невинен, но что будет потом? Я замечаю в его руках айпад. Неужели это тоже будущий порноман, или как минимум неврастеник с кучей комплексов, будущая жертва виртуального мира? Я хотела бы подойти и обнять его, предостеречь, направить на путь истинный, отдать ему все, что я знаю, вдруг ему это поможет? У меня нет детей; эта мысль неожиданно материализуется во что-то очень важное, но я затыкаю ее, не даю ей хода,

забываю ее, чтобы она не мешала мне жить и наслаждаться. Наслаждаться? Я называю наслаждением то болото, в которое я провалилась? Видимо, да, и это очень странно. Мне определенно нужен психолог, специалист, который бы объяснил мне, что и как, дал бы направление, помог бы мне выбраться из этого болота... И все-таки, дети. Эта мысль еще раз всплывает в моем сознании, но через мгновение падает на дно, как камень. Я снова смотрю на мальчика с айпадом, в эти огромные и пока что невинные глаза. Мне становится страшно, потому что я вижу в этих глазах ту пропасть, в которую упала, то твердое дно, которое наконец-то нащупала и от которого пытаюсь оттолкнуться.

Выхожу наконец из больницы и иду по улице. Это типичный московский спальный район с унылыми домами-коробками, советскими многоэтажками, этими устремленными ввысь человеческими муравейниками. Я прохожу эти унылые дворы, знакомые с детства, в которых мамы с детьми гуляют и зорко обозревают местность. Сейчас и меня заприметят, оглядят с ног до головы. Мой взгляд падает на вывеску: «Дружба. Кафе. Бар». Написано размашисто, красным. Я захожу вовнутрь, интерьер довольно обшарпанный. Сажусь на протертый плюш, если это вообще плюш – диван старый и выцветший, но до неприличного пунцовый, как возбужденный клитор. Заказываю кофе с коньяком. Выпиваю залпом. Накрывает гадкое и тяжелое опьянение. Как давно я не выпивала? С тех пор как уволилась, наверное. Что

делать дальше? Жить и радоваться жизни? Не могу, не получается. Положить конец мучениям? Тоже не хочу. Продолжать борьбу? Наверное. Несмотря на разочарование и подавленность, мне удастся унять тягу к саморазрушению, я еду домой, ложусь спать и сплю до следующего дня, до раннего утра. На меня хорошо подействовал алкоголь.

На следующее утро встаю так рано, как не вставала даже когда работала. Выпиваю свой обязательный кофе, выкуриваю одну за другой три сигареты, выбираю наугад частную клинику из рекламы в журнале, который валяется уже как месяц на полу, я о него все время спотыкалась, но теперь понимаю его предназначение. В интернет я не решаюсь заходить, вообще не открываю компьютер; знаю, что, если открою его, то мне наверняка захочется посмотреть что-то еще помимо адресов психологических консультаций. «Что-то еще». Хороший эвфемизм для моей одержимости интернет-порно! Я звоню в клинику; меня сегодня же готовы принять, через какой-нибудь час или максимум два. В этот момент я начинаю понимать преимущества богатства. Я готова заплатить любые деньги, лишь бы меня приняли как можно скорее. Мне больше не хватает той сцены, на которую я восхожу каждый день. Мне нужен специалист, который будет слушать и советовать. Мне нужен диалог, общение с профессионалом.

Не буду утомлять вас рассказами про мои походы в клинику. Это и правда помогает. Цены там почти неприличные,

но мне нужен быстрый результат. Поэтому я не отказываюсь от их услуг. Наоборот, я готова платить даже больше, если бы они потребовали. Я привыкаю к ним, к этому безвкусному, выхолощенному интерьеру в стиле hi-tech, к этому убавкивающему и в то же время бодрящему lounge-disco в коридорах, к этим предупредительным, но все равно готовым по старой привычке сорваться на тебя «специалистам». Я им не очень-то доверяю, но надеюсь, что они чего-то стоят.

После пяти сеансов я заметно иду на поправку. Я вообще не открываю компьютер! Просто обхожусь без него. Это настолько удивительно, что я не понимаю поначалу, как такое возможно, но это и правда, оказывается, возможно... Много времени провожу вне дома – это все его советы, которые правда помогают. Доходит до того, что на седьмом сеансе я осознаю, что влюблена в своего врача, красивого женатого мужчину лет сорока-сорока трех, элегантного и выдержанного. На мой тридцатый день рождения он дарит мне такой же элегантный, как он сам, букет, и я готова заплакать от счастья. Я хочу пригласить его поужинать, едва удерживаюсь от этого; ужинаю в одиночестве в дорогом ресторане, не обращая внимания на сидящих в зале; я словно в трансе; возвращаюсь домой усталая, но радостно-возбужденная, валюсь на кровать не раздеваясь, в своем черном вечернем платье, специально купленном на тридцалетие в каком-то дорогом магазине в Столешниковом переулке, сразу после сеанса у психоаналитика; став богатой, я перестала обращать внима-

ние на цены и названия брендов, просто беру то, что мне хочется и по-настоящему нравится, как вот это платье; плохо сплю ночь, мне снится мой психоаналитик, его руки, его лицо, и я кончаю во сне... Дело принимает серьезный оборот, я страдаю от своей влюбленности, которую считаю настоящей большой любовью, при этом чистой, ведь у нас с ним не было секса и даже намек на флирт. Доходит до объяснений, он честно говорит мне, что не может меня полюбить, и просит его за это простить. Я рыдаю прямо перед ним, это унижительно, но я так надеялась на него! Я хочу, чтобы он вытащил меня из болота, ведь он протянул мне свою красивую, крепкую руку! Униженная и растоптанная, я выхожу из его кабинета, тушь растеклась по лицу, на меня в ужасе смотрят другие посетительницы в своих норковых манто, с хорошим дорогим макияжем на холеных лицах. У них тоже проблемы, им не надо моих печалей, они хотят отгородиться от стресса, который я им невольно предлагаю. Я впервые осознаю, что эта клиника – настоящий заповедник для очень богатых женщин, они слетаются сюда как мотыльки, на этот свет, исходящий от роскошных люстр, украшенных стразами от Сваровски... Мне становится стыдно за свое расточительство, за то, что я осмелилась сюда прийти, приходила сюда целый месяц... Я не чета этим женщинам, я перед ними жалкая дворняжка, не холеная, не надменная, как они, эти московские дамы из элиты. Они показывают мне всем своим существом, что такой как я здесь не место. И правильно,

кстати, показывают. Какая я была дура! Решила, что, если могу купить платье в Столешниковом не глядя на ценник, то, значит, принадлежу к этому клубу избранных. Самонадеянная дура, и вот мне расплата, меня поставили на место – и он, и они, показали, кто я такая. Обида на психоаналитика, злость на него и на его отказ, отвращение к этим напомаженным куклам в норковых шубах сплетаются в один клубок. Выход здесь один, я это прекрасно знаю: расстаться с ним и с клиникой, и как можно скорее. Не видеть всего этого больше. Я знаю, что больше здесь никогда не появлюсь. После опьянения пришло похмелье.

Я возвращаюсь в реальность. Тем не менее, деньги не были совсем уж потрачены зря. Все дни, что я провожу одна, без защиты психоаналитика из роскошной клиники, у меня не возникает желания открыть компьютер и начать смотреть порно. Неужели это все еще возможно? Но вскоре появляется тошнота и головокружение. Я без любого врача знаю, что это просто панические атаки. Я боюсь остаться без помощи, без поддержки. Мне надо срочно искать новую клинику, нового специалиста, новые костыли, которые будут меня поддерживать. С каждым часом тревога усиливается, тошнит все чаще, апатия нарастает. Надо приниматься за поиски.

После шикарной клиники я возвращаюсь к жизни обычного городского жителя: бросаю привычку вызывать такси по каждому поводу, покупаю простые продукты вместо до-

рогих, перестаю шляться по бутикам на Большой Дмитровке и в Столешниковом переулке. Просто гуляю, блуждаю по улицам и переулкам в центре, надеясь, что само все сложится, не тороплю провидение.

В один из таких пасмурных дней я наугад захожу в первую попавшуюся клинику; там скромнее, без сверкающих стразами от Сваровски люстр, и слава богу. Там простые и честные, как мне кажется, специалисты, один из которых достается мне. Это женщина средних лет, у нее своя методика; она не особенно церемонится с пациентами, обходится без патоки, может «ввернуть крепкое словечко» (именно так она и говорит – приятная старомодность!), рассказывает им о том, о сем, отвлекает монотонной болтовней. В нее я уж точно не влюблюсь! Эта мысль смешит меня и успокаивает. На ее сеансах я совершенно расслабляюсь. Как по команде включается ее монотонная трещотка, она рассказывает что-то из жизни, какие-то сплетни про знаменитостей и знакомых; я лежу на почти больничной кушетке, в простой комнате с когда-то белыми, а ныне желтоватыми жалюзи, без музыки, из коридора доносятся голоса, шаги и шуршание. Мне хорошо и спокойно. «Аня, жалюзи опустить или так нормально?» – доносится откуда-то издали ее голос, похожий на воркование пожилой голубки. «Как хотите», – отвечаю я. Мой голос неузнаваем, он как морской прибой, шуршит и шепчет. Я не верю, что он принадлежит мне. «Тогда не буду, а то света и так мало», – воркует мой врач. Я проваливаюсь в

блаженство, засыпаю и вынырываю из своего младенческого сна, чтобы опять провалиться. «Вставай, Анечка! Закончен сеанс», – говорит мне ласково пожилая голубка. Я не помню, как ее зовут, у меня ужасная память на имена, зато хорошая – на лица. А вот она меня помнит, и мне нравится, как она меня называет. То Аня, то Анечка. Так называла меня мать. Теперь я понимаю, кто эта женщина мне. Моя новая мать. Или ласковая мачеха. Почему бы и нет?

Так проходит больше месяца. Это чудесное время. Я не прикасаюсь к компьютеру, убираю его в кладовку, «чтобы не отсвечивал», как говорила мать, мне часто теперь вспоминаются ее выражения. Я готова провести так всю жизнь, приходя к своей новой мамочке, готова всю жизнь лежать на кушетке и слушать ее воркование, проваливаться в сон и выныривать из него, потом ехать домой с пустой головой, никому не звонить и ничего не смотреть, а лишь читать книги и гулять в парке... Но однажды я понимаю, к своему ужасу и разочарованию: эта методика перестает помогать. Я снова постепенно думаю о своих привычках, и не просто о них, а о возвращении к ним... Когда я спрашиваю своего врача, как мне быть с моей порноманией, она опешила, словно впервые услышала жалобу пациента, и говорит, чтобы я не забивала себе этим голову. «Ложись, Анечка, все будет хорошо...» Может, она и права, но мысли о порномании начинают возвращаться, не дают мне покоя, даже когда я на приеме. Я больше не расслабляюсь, как раньше, какие-то моло-

точки стучат в виски, не дают покоя. Во время второго разговора я не могу ничего добиться, никаких советов, которые мне нужны. Мамочка-врач говорит, чтобы я не накручивала. «Так, Анечка, ты что-то волнуешься у нас, прекрати это немедленно, ложись, мое солнышко, ложись, а я тебе что-нибудь расскажу... Жалюзи не опускать? Хорошо, хорошо, уже опустила... Ты лежи, лежи, не беспокойся, все хорошо... Вот, представляешь, сегодня заходила в тот магазин на углу, рядом с клиникой, думала, сырков моих любимых купить, а их уже давно там нет; испортился магазин этот, давно там не была, жаль, так было удобно там все покупать... Подруга мне вчера позвонила, говорит, сын ее наконец невесту себе нашел... Давно пора, такой красивый парень, все выбирал... А правда, что Кабаева от Путина уже второго родила?»

Анна лежит на кушетке натянутая как струна и не может расслабиться – впервые за долгое время. После этого сеанса она не приходит больше к своему врачу, старой голубке, хоть и тоскует по ее убаюкивающему воркованию. Магия исчезла, непрекращающиеся выходные с хорошим настроением кончились, и она снова оказалась лицом к лицу со своей главной проблемой – порноманией. Эффект был положительным, но, увы, кратковременным.

Анна борется с искушением

Я борюсь с желанием включить компьютер и провалиться туда, в эту кроличью нору, в это логово белого червя, в эту геенну искушений. Мне, наверное, ужасно этого хочется. Но все же я не открываю его – он, наверное, давно покрылся толстым слоем пыли в кладовке, замер там в ожидании своего часа. И вот, когда я включу его, он радостно заурчит и начнет работать, начнет подчинять меня своей воле... О, как же я этого боюсь, как бегу от этого! Мне так страшно, я не хочу повторения, но в глубине души знаю, что этого не избежать.

Тем не менее я не включаю эту проклятую машину, не слышу, слава богу, радостного урчания. Еду в центр, в книжный магазин, и впервые за долгое время покупаю там много книжек. Теперь я могу это позволить. И это куда лучше, чем бродить по бутикам в Столешниковом переулке и на Большой Дмитровке. Современная философия, фикшн, нон-фикшн – я читаю все запоем, главное не останавливаться и не смотреть на дверь кладовки, за которой лежит готовый заурчать зверь, он нем, но стоит нажать на кнопку, и... Все-таки я еще могу контролировать себя, свое желание, свою порноманию... Но когда силы иссякнут, что будет дальше? О, не надо про это, пожалуйста! Я лишь хочу про-

длить этот момент свободы, я живу настоящим, только этим мигом и ничем больше.

А знаете, что еще заставляет меня держаться подальше от урчащего монстра? Лицо того худощавого парня с такими живыми темными глазами, которого я уже несколько раз случайно встречала в городе. Он, по-моему, тоже обратил на меня внимание. Смотрел пристально, словно хотел что-то спросить, но не мог решиться. Наша встреча всякий раз происходила так внезапно, что, увидев друг друга, мы буквально немели от неожиданности.

М – так зовут того темноглазого, худого и нервного молодого человека, который несколько раз встречался Анне и который «помогает» ей удержаться от порномании. Пора дать ему слово.

М страдает от перевозбуждения и вспоминает о случайной встрече с Анной

Я в жутком возбуждении, вызванном лекарством для расслабления мышц, которое принимаю уже неделю. Я больше не буду его принимать, но сейчас от этого решения легче не становится – я уже выпил дневную дозу, и очень зря. Я еду в метро, мысли несутся галопом. Зубы стучат. Меня то бьет озноб, то мучает жар, мне кажется, что сейчас весь мир, мой мир, перевернется вверх тормашками, я боюсь потерять опору, боюсь провалиться. Единственное, что мне помогает удержать равновесие и не упасть, не провалиться, это мысли о девушке, которую я несколько раз встречал на улице и в книжном, и всегда случайно и совершенно неожиданно. Мне важно встретиться с ней хотя бы еще раз, но как найти ее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.